

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

фессии. Иначе говоря, социальная роль гуманистов – определение социокультурного камертона и политического горизонта, что ярко проявилось в период Реформации. А также научной и экономической перспективы, ибо маршрут новоевропейской науки: вначале академия, затем университет.

Академии возникают уже в XV веке: первая, «платоновская» (неоплатоническая), – в Кареджи (Флоренция, 1462), созданная деньгами Козимо Медичи и трудами Марсилио Фичино, затем в Неаполе (Понтано), Риме (Лето). В XVI веке в той же Флоренции появляется «филологическая» Академия делла Круска (1583). В начале XVII века в Риме возникает знаменитая Академия «рысеглазых», деи Линчеи (1603), чье название само по себе составляет лексический и семантический клубок: здесь слышатся имя ясноглазого аргонавта Ликея (Ликеевы глаза) и ассоциации с особой миссией Аристотеля (Ликей, Ликеон), а также ощущается традиционная острота взора и мягкая поступь рыси (Lynx). В Париже учреждается «Академия бессмертных» (1635), в Лондоне – «Королевское общество» (1662).

Каденция сюжета – встреча-диалог в том же Риме ровно 365 лет спустя после основания деи Линчеи и со столь же немногочисленным составом участников, но после более многолюдного собрания на релевантной сюжету вилле Фарнезина. Встреча, результатом которой стало основание Римского клуба – академии XX века, венцом же деятельности ее мыслился *Forum Humanum* (также непростое название, рождающее смысловые ассоциации²⁰).

РЕНЕССАНС И АПОКАТАСТАСИС

Тема, требующая отдельного разговора, – духовная, интеллектуальная, историческая альтернатива гуманизму, наметившаяся приблизительно в то же время в Византии. У данного сюжета несколько траекторий и регистров.

На поверхности – сопоставление возможностей и затруднений, связанных с различием катафатического и апофатического миропознания. И с прерыванием исихастской традиции как явления, могущего иметь не только духовные, но также интеллектуальные, социальные, политические следствия²¹. Богословское же измерение проблемы представлено знаменитыми

---

²⁰ НАПРИМЕР, ОТНОСИТЕЛЬНО ПРОДВИЖЕНИЯ В СРЕДЕ ИНСТИТУТОВ РАЗВИТИЯ БЛИЖЕ К СЕРЕДИНЕ XXI ВЕКА ОТ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ/ТОРГОВЛИ/КОНКУРЕНЦИИ В СФЕРЕ ЗНАНИЙ К РАСПРЕДЕЛЕНИЮ/ТОРГОВЛЕ/КОНКУРЕНЦИИ В ОБЛАСТИ ТАЛАНТОВ, ТО ЕСТЬ *forum humanum* – РЫНОК ЛЮДЕЙ (ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ).

²¹ См.: Неклесса Александр. Северная Ромея. Рассуждение о русской идентичности // Русская идентичность. Дорога жизни. М., 2012. С. 41–97.

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

диспутами Варлаама Калабрийского и Григория Паламы. Сегодня в подвижной, приближающейся к турбулентности вселенной у этого давнего спора проявляются пульсирующие, едва ли не кровотоочивые измерения, затрагивающие судьбу цивилизации.

Кризис мировидения, сомнения относительно доброкачественности обретаемого цивилизацией имущества, достоверности карт будущего, оценки самой сути знания, его стратификации, целей и форм образования возвращают к скрытой под покровом и суетой времени развилке истории.

В чем естество истинного знания, гарантия подлинности его начал? Что мы познаем и что развиваем? Посредством чего обретается полнота бытия? И ради чего? Является ли знание целью и ценностью, за которой стоит отправляться в путь длиною в жизнь, а жизнь преобразовывать в историю? Универсальна ли его природа, а владение – надежно ли? Насколько можно полагаться на полученное таким образом преимущество? Или же накопление постижений, закономерностей, аргументов, инструментов содержит вероятность неожиданной их девальвации, порчи, утраты, превращения сокровищницы в умопомрачительную грудку черепков? Либо даже, подобно вышедшему из-под контроля зверю, таит угрозу однажды обратиться против хозяина и погубить, разорвать его?

Но быть может, знание синергично: своего рода заем, выданный под добросовестный проект, однако с возможностью отзывать капитала из-за просроченных долгов? Иначе говоря, его субстанция обладает комплексной природой, а процесс познания – это персональная история соития с подлинностью. Причем статус прозрений в значительной – едва ли не определяющей – мере зависит от состояния субъекта и взыскиваемой цели: постижение есть узнавание, как для нищенствующих – собирание и накопление.

В XIV веке проявились минимум две выразительные и обоснованные позиции, связанные с пониманием природы интеллигенции, способов ее обретения и трансляции.

Первая, если максимально кратко прописать логику рассуждения, определяла знание как своего рода эликсир, обретаемый человеком посредством уникального качества, отличающего его от иных земных существ, – разума, то есть как безличную субстанцию, накапливаемую, сублимируемую, производящую трансмутацию личности. И посредством заключенной в «умном знании» энергии (силы) предоставляя также возможность изменять окружающую среду.

Особенность другой позиции – в понимании знания как следствия резонанса двух природ, энергичное соучастие которых в человеке позволяет опознавать подлинную суть явления, истинное состояние объекта, ситуации. Наличие и пролонгация (удержание) подобного статуса требуют не столько усилий ума либо памяти, сколько достижения подвижническим усилием состояния (объема бытия), позволяющего натуре познающего (сердцу, ибо «сердце наше есть сокровище мысли») обрести когерентность с иным – могучим – естеством.

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

Таким образом, не накопление знаний трансформирует субъекта, но усилия по аутотрансформации, энергетика взаимодействия дают надежду на обретение способности (дара, а не собственности) постижения сути вещей и явлений, то есть контакт с подлинностью. Ключевой момент – отклик, вступление в личностный диалог. Новое знание приходит не из изучения прежнего, являющегося организующей дисциплиной ума. Главный источник – постижение новизны как иного порядка, наступающее в озарении – в объятиях души и духа истины.

Путь познания не исключает сбоев, затемнений («ночь души»), не ограждает от возможности искажений в процессе удержания, освоения, трансляции. Даже отчетливо познанные закономерности не являются гарантированно неизменными, без потери качества отчуждаемыми от познающего. Живое знание порой настолько точно, чтобы не сказать – персонально, что внешне изменчиво, ибо подвижно, будучи в прямой связи с переменами актуального состояния познаваемого/познающего, являясь эссенцией конкретного (виртуального) статуса феномена.

И хотя знание – это состояние, а не наличность, тем не менее в сложном сочетании абсолютного и конъюнктурного слепки-реплики опознанных маршрутов на специфической дорожной карте, верифицированные опытом, экспериментом, обретают автономное существование. Эксплицируя постигнутые закономерности, они в большинстве случаев применимы – путем распространения соответствующих прописей – и в иных, схожих, ситуациях. Однако все же с важной оговоркой об их относительности – то есть отсутствию гарантий неизменности в изменившейся (по каким-то многообразным параметрам) ситуации. Знание обретается ради истины, а не вместо нее. Другими словами познанные и декларируемые законы хотя и отражают конституцию природы, все же не являются абсолютом и могут меняться или оказываются значительно более сложными, нежели представлялось.

Но главное, пожалуй, иное. Трансмутация, то есть обретение и удержание личностью особого статуса, имеет целью не операции со знанием как таковые: акт познания истины дает шанс со-присутствия в оной (сейчас сказали бы «преодолевая асимптотический предел»), что изменяет познающего и делает его свободным. Суть процесса не обретение знания для прикладной задачи – перемены условий жизни, а прямой путь к энергичному со-бытию: перманентной встрече, которая есть цель и смысл человеческой жизни.

Принципы, заложенные в основания альтернативных позиций относительно природы знания, предопределили существенные различия в практике миростроительства.

Признание обезличенной («цифровой») природы накопления знаний стало источником изощренной механики, обретением и совершенствованием протезов, замещающих человеческие немощи, – субститутутом послушных «электрических» духов, исполняющих желания. Синергичное же понимание исти-

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

ны предполагало заметно более сложную социальную, политическую, цивилизационную траекторию. В этом случае условием достижения истины являлось наличие и качество актуальных взаимоотношений, что делало сомнительным удержание когнитивной сокровищницы в единожды и навечно обретенной универсальной полноте.

Характер отношений с истиной предопределяет различие траекторий познания и в иных регистрах. Это либо преследование перманентно испытываемой, взвешиваемой на весах души полноты ради получения ответа: со-весть, что включает личную ответственность за качество и последствия низведенных в мир, переданных знаний и умений. Либо динамичная экспансия, обезличенное суммирование и освоение найденного, допускающее нарастание дисгармоник не только относительно знания *per se*, но также нравственного качества («категорического императива») практических приложений. Высокая эффективность подобного подхода одновременно таит риски отложенных неурядиц. Из чего вытекают многообразные различия в логике технического и технологического развития, экономического действия, геометрии политического строя, архитектуры социального строительства.

Выбор позиции, подразумевающей ту или иную онтологию мировидения, в свою очередь предопределяет направление исхода из развилки-ловушек истории, регламент познания-действия, содержание культурной, социальной, политической стратегии. И в конце концов – генеральную композицию будущего: апофеоз той предельной ситуации, к которой, судя по всему, движется человечество.

ЗНАНИЕ И ДЕЙСТВИЕ

*Ощущение возможной реальности
следует ставить выше ощущения
реальных возможностей.*

Роберт Музиль

Мы живем в мире, субъективная неопределенность которого заметно возрастает. Кроме того, в течение XX века глобальный театр операций, скорость, масштаб перемен, повышение рисков предопределили обновление методологии познания и действия, пересмотр процедур принятия/реализации решений.

Чем больше акций мы совокупно совершаем, чем больше познаем, тем обширней сфера соприкосновения с неведомым. Усложнение организации предполагает рост технологической неопределенности: снижение надежности техносферы. Закономерности чаще проявляются как статистический параметр, в технических, социальных сетях фиксируется феноменология «странных процессов». И по мере умножения проблем, сокраще-